

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЛЕТОПИСИ О КОЛОКОЛАХ ПОЛОЦКА

На основе текста фрагментов двух памятников древнерусской литературы – Новгородской летописи и “Слова о полку Игореве”, – содержащих первые упоминания о колоколах восточных славян, исследуются вопросы культурно-исторического бытия “самого лучшего голоса” славянского мира. Анализ семантики и функций колоколов Полоцка XI в. в контексте традиций и обычаев времени дает основание для осмысления их в значении одного из идентификаторов культуры. Взгляд на колокол, синтезирующий звуковую субстанцию и материальную предметность, приобретает особую актуальность в условиях повышения интереса к отечественному художественно-культурному наследию в начале XXI в.

Исторические источники сохранили немного сведений о колоколах средневековья, и потому ценна любая информация о них. Наиболее ранние упоминания о колоколах восточных славян, дошедшие до нас, связаны с историей Беларуси, что представляет несомненный интерес для отечественной науки. Речь идет о фрагментах из двух памятников древнерусской литературы – Новгородской летописи и “Слова о полку Игореве”, повествующих об исторических событиях XI века, так или иначе связанных со славным городом Полоцком и его князем Всеславом Брючиславичем.

Приведем тексты обоих фрагментов. Анонимный автор первого источника, Новгородской летописи, повествует о дерзком нападении князя Всеслава на Великий Новгород в 1066 г. Разграблению подверглось не только имущество жителей захваченного города, но и церковная утварь: “Приде Всеславъ и взя Новгородъ и ...колоколы съима у святаыя Софие; о велика бяше бѣда в час тый! И понекодила съима” [1, с. 212]. В текст второго источника – выдающегося памятника древнерусской литературы XII в. “Слова о полку Игореве” – включен короткий, почти нереальный, рассказ о князе Всеславе. Как мы полагаем, строки о церковном благовесте сообщают о тех же снятых в Новгороде колоколах, но спустя некоторое время звонящих уже с колокольни в Полоцке. “Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влькомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрѣсови влькомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано у святаыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звон слыша” [2, с. 289].

Данные тексты стали почти хрестоматийными благодаря частому цитированию, однако до сих пор отечественное музыковедение не проявило к ним должного внимания. Не поднимался и вопрос о побудительных мотивах упоминания колоколов в создававшихся для потомков исторических летописаниях, хотя это – бесспорное признание ценности “древнего украшения” (так нередко называли колокола в прежние времена). Осмысление роли и функций полоцких колоколов в социокультурном контексте средневековья – задача данной статьи – требует анализа семантики колокольной образности в обоих фрагментах, а также ретроспективной оценки культурно-исторических реалий. Ценными для нашего исследования оказались источники, содержащие сведения о духовной культуре, исторически сложившихся традициях и обычаях Византии и восточнославянских княжеств [2–4; 6; 8], собственно кампанологические исследования конца XIX в. – начала XX в. [5; 7] и современности [9; 10]. (Работа С.Рыбакова, опубликованная впервые в 1896 г., переиздана в 1990 г.) Особый интерес представляет обширный материал о полоцком князе Всеславе и его времени, опубликованный в Витебске в 1912 г. [1].

Центральная фигура обоих фрагментов – легендарный Всеслав, княживший на полоцком “столе” с 1054 г. по 1101 г. В его облике народная память соединила черты реальной исторической личности с мистическими, почти волшебными дарованиями, а летописцы единодушно отмечали глубокую религиозность. Дальновидный стратег и бесстрашный воин, радеющий о процветании Полоцкого княжества, внук Рогволода, совершал смелые и дерзкие набеги на соседние города – Смоленск, Псков, Новгород. Желая послужить не только земной славе, но и Богу, он возвел одну из первых христианских святынь на белорусской земле – храм “полоцкой Софии о семи верхах”.

Обратимся к анализу первого текста – фрагмента Новгородской летописи. Ограничившись горестным восклицанием о потере колоколов Софии и паникадил, летописец не приводит сведений о дальнейшей судьбе церковных ценностей. Однако, сопоставляя даты исторических событий, нетрудно заметить, что трофеи предназначались для только что построенного в Полоцке

одноименного собора, столь дорогого сердцу князя. Вскоре после принятия христианства, уже в Хв., восточные славяне начали возводить храмы, посвященные Святой Софии Премудрости Божией. Всего за несколько десятилетий такие соборы были построены в стольных городах – Киеве (заложен в 1037 г. при Ярославе Мудром), Новгороде (построен его сыном Владимиром в 1045–1050 гг.), Полоцке (сроки строительства по одним источникам 1044–1066 гг., по другим – 1050–1055 гг.). В чем же заключалась причина особой приверженности православия храмам Святой Софии? И какое место отводилось церковным колоколам?

Образцом для православных строителей послужила Святая София (VI в.) в Константинополе – один из наиболее величественных и художественно совершенных храмов раннего средневековья. Более того, византийская святыня была зримым воплощением христианского вероучения, сложившегося в IV–VI вв. Необычной для своего времени была концепция Софийского собора – земного отражения небесного Иерусалима: он планировался и постигался не снизу вверх, а наоборот – от неба к земле. Подобно тому, как Бог-зодчий сотворил мир совершенным, был гармоничен и храм рукотворный, символизирующий “райское святилище, небесный свод, образ мира, престол славы Божией” [3, с. 45]. В соответствии с постулатами средневекового богословия несколько позднее, в X в., Иоанн Геометр описал христианский храм как образ Вселенной со всеми ее красотами – планетами и звездами, морями и землями [4, с. 55]. Организация внутреннего пространства и весь художественно-выразительный комплекс понимались как средство богопознания. На основе множества художественных языков, к которым относятся роспись, икона, мозаика, свет и цвет, церковное пение и колокольный звон, была сформирована целостная система семантически значимых кодов. Ее цель – обозначить выход из земного пространства и времени в Божественную бесконечность. Каждый христианин, попадая в храм, погружается в мир художественного совершенства и сакральной символики. Словно по ступеням чудесной лестницы, он восходит от образа к первообразу, от земли к Небесам.

В XI в. идея “храма как книги”, по которой можно было “прочитать” Священное Писание, оказалась своевременной для восточных славян, только что приобщившихся к христианскому миру. Православные соборы были любимы и почитаемы народом: они служили оплотом христианства и центром летописания, средоточием культурной жизни и украшением города. В народе даже сложилась поговорка: “Где Святая София, там и Новгород”.

К зримой символике храмового искусства присоединился и голос колокола. Уже в средние века колокол становится важным композиционно-смысловым элементом устройства христианского храма, а его звучание – непременным атрибутом церковной службы. Середина IX в. исследователи называют временем “всеобщаго церковнаго употребленія колоколовъ не только при монастыряхъ и въ городахъ, но даже и въ селахъ” Западной Европы [5, с. 23]. Темброво-акустическое своеобразие и мощь звучания, разносящегося далеко окрест, позволили этому инструменту довольно быстро закрепиться в богослужебной практике западных, а затем и восточных христиан. В 865 г. венецианский дож Орсо прислал в подарок византийскому императору Михаилу 12 колоколов, для которых специально выстроили башню рядом со Святой Софией в Константинополе. Это был, вероятно, первый восточнохристианский храм с колокольным звоном.

Значение колокола как инструмента церкви выражено в самом его названии: до XI в. колокол официально именовали “знаком церкви” (*signum ecclesiae*), в народе – гласом Божьим, громом Небесным. Всенародная любовь к колоколу связана с простотой и афористичностью его музыкальной речи. При этом семантическое богатство разновидностей колокольного звона оказалось даже более доступным для восприятия, чем церковное пение. “Кто торжествует, тот не произносит слов... это бессловесная песня радости”, – так можно определить метафизическую сущность колокольного звучания словами Блаженного Августина [6, с. 112].

В христианском мире колокол всегда почитали сакральным предметом и мощным духовным оружием, способным замалывать грехи и разрушать бесовские козни. Силу церковного звона, видимо, чувствовали и иноверцы: в песне турок о завоевании Константинополя специально упоминалось о 62 колоколах Святой Софии.

По мнению многих исследователей, к православным христианам первые колокола попали с Запада, а именно из Германии, и вплоть до XVI в. оставались большой редкостью. Первое упоминание о собственном колокольном производстве на землях восточных славян содержится в Вольнской летописи: в середине XIII в. были отлиты колокола для церкви нового города Холм (территория нынешней Польши) и города Любомль [5, с. 34]. Однако в церкви св. Иоанна в городе

Холм во время пожара колокола "все огонь попали", так как "медь от огня яко смола ползушь", – так свидетельствует летопись 1259 г. [7, с. 30].

Не всякий город или монастырь мог оплатить дорогое литье, и потому наличие колоколов было предметом особой гордости. Откуда и каким путем они попадали в первые православные храмы, в том числе и в упомянутый в летописи Новгород, чаще всего не указывалось. Судя по более поздним историческим свидетельствам, некоторые из них были выполнены на заказ, получены в дар либо захвачены во время военных походов.

Пленение церковных колоколов князем Всеславом некоторые исследователи оценивают как безнравственное, более того, святотатственное действие [1, с.213]. Однако применение современных моральных норм к поступкам человека эпохи средневековья исторически неверно. Не только в XI в., но и значительно позднее церковные ценности считались в христианском мире завидным трофеем и почти всегда открыто упоминались в числе предметов военной добычи. Победители гордились колоколами по праву, в силу высокой материальной и духовной ценности они были востребованы во всем христианском мире [7, с.29]. К тому же колокольная бронза, в состав которой входят медь и олово, имела в то время стратегическое значение как сырье для пушечного производства.

Процесс инкультурации церковных колоколов становится особенно заметным тогда, когда они приобретают в народном сознании статус символа свободы и процветания. В микрокосме города, начиная с эпохи средневековья, колокол служил зримым свидетельством благополучия народа. Потеря христианской и гражданской святости, наоборот, была знаком поражения и позора. Потому многочисленные рассказы в исторических хрониках о пленении колоколов полны драматизма, нередко они сопровождались описанием скорби и рыданий горожан, как в Новгородской летописи. Приведем другие примеры. В 1481 г. после успешной военной кампании русских войск под Великим (Феллином) псковичи взяли в плен и привезли в родной город "немецкого полону восемь колоколов велиядских" [7, с. 31]. Как отмечает исследователь А.Бондаренко, объединение русских земель вокруг Москвы в XIV–XVI вв. скреплялось пленением колоколов из завоеванных городов – Пскова, Твери, Великого Новгорода [8, с. 3]. Так, например, московский князь Василий III, покорив Псков, велел снять и перевезти в Москву вечевой колокол – символ старины и воли, а также особенно любимый горожанами церковный колокол "Корсунский" [7, с. 31–32; 9, с. 12]. Видя это, псковичи "ударяша челомъ въ землю, и не могли противъ его отвѣта дати отъ слезъ и туги сердечныя. Токмо тые не испустили слезъ, иже младенцы, ссущіе млеко. И бѣ тогда во Псковѣ плачь и стонаніе во всѣхъ домѣхъ, другъ-друга обнимающе" [5, с. 333]. Псковичи, глядя на свой вечевой колокол, спущенный на землю, начали "плакати по своей старинѣ и по своей воли..." [5, с. 333]. Однако спустя восемь лет, в 1518 г., взамен "Корсунского" царь прислал другой колокол.

О понимании особой ценности колоколов в России свидетельствует следующий характерный исторический факт. В 1656 г. войско царя Алексея Михайловича, в спешке отступая из Риги после неудачной осады города, оставило пушки, порох, продукты, деньги, лодки и струги – все, кроме колоколов и органов Гошпитальной и Иисусовой церкви [5, с. 339].

На Западе к колоколам относились не менее серьезно. Прежде чем использовать колокол врага, захваченный в плен, его подвергали наказанию, духовному очищению и своеобразному "перевоспитанию". Характерный пример – история протестантского колокола Ла-Рошели. Католики, сняв его с соборной колокольной, сначала закопали в землю и снова откопали, затем прочитали перед ним длинную проповедь, убеждая вернуться в лоно католицизма. Наконец над колоколом заново совершили таинство крещения и подняли его на другую колокольную [10, с. 12].

Захват колоколов и другого церковного имущества, повсеместно распространившийся в христианском мире, начиная с XI в., можно интерпретировать как своеобразную форму насильственного культурного обмена. Именно так, в духе традиций своего времени, следует понимать поступок полоцкого князя Всеслава, заимствовавшего новгородские колокола для украшения полоцкого собора. Прочтение фрагмента Новгородской летописи в контексте культурно-исторических реалий средневековья открывает возможность более глубокого осмысления истоков отечественной культуры, а также значения контактов как с Византией, так и с Западом. Именно принятие христианства стало мощным импульсом для духовного роста восточных славян, для обретения новых ценностных ориентиров.

События, изложенные в Новгородской летописи, получили историческое продолжение во фрагменте из "Слова о полку Игореве". Метод композиционно-смыслового диалога с прошлым

позволил автору перевести повествование о походе Игоря на половцев (1185) из конкретно-исторического контекста в масштаб "большого времени". В череде исторических предшественников князя Игоря выделена легендарная фигура Всеслава, окутанная ореолом тайны и мистицизма.

О цитированном выше фрагменте рассказа о полоцком князе Д.Лихачев высказал особое суждение: "Информативность всего этого текста необыкновенно насыщенная. Тут за каждым словом кроются многочисленные и драматичные факты" [2, с.289]. Соответственно и упоминание о колоколах в столь серьезном повествовании, как "Слово", не могло быть случайным. Рассмотрим семантическое и композиционное значение колоколов.

Перечисление ратных подвигов князя, побывавшего и воевавшего в чужих землях, заканчивается неожиданно поэтично – воспоминанием о полоцких колоколах. Всеслав, разумеется, не мог услышать их звон из Киева, где был в заточении, а затем княжил около года. Однако память сохранила хорошо знакомое звучание, вызывающее тоску по дому. Образ колоколов, благовествующих к утрени "у святых Софеи", прочитывается как священный символ христианской веры и родного гнезда.

Другое контекстуальное пространство колокольного звона – фантастический мир. По преданию князь Всеслав был наделен сверхъестественными дарами, что вызывало у автора определенные ассоциации с другой исторической фигурой – вещим князем Олегом. Исследователь Орест Миллер, специально изучавший этот вопрос по летописным источникам, обнаружил черты сходства между двумя князьями. Даже рождение того и другого было чудесным. Так, о появлении на свет Всеслава Лаврентьевская летопись сообщает, что "...его же роди мати от волхованья" [11, с. 43]. Обе истории о князьях-чародеях восходят к еще более древнему былинному образу Волха (Вольха) Всеславьича, позднее переименованного в русских сказках в Волгу Святослав(г)овича. Богатырь, родившийся от змеи, обладал даром мудрости и волшебства, умел "вражду чинить". Он был также оборотнем. В былине встречаются описания его превращений: то ясным соколом он парил в небе, то скакал по темным лесам серым волком, то горностаюшкой рыскал по вражьи подвалам, накусывая "титивки" тугих луков, а то мурашиком проводил свое войско (тоже превращенное в малых насекомых) из родной земли в царство Индейское [11, с. 43–48].

Среди многих сверхъестественных талантов полоцкого князя упоминаются способности мгновенно перемещаться в пространстве, а также слышать звуки на далеком расстоянии. Чудесный слух, по языческим представлениям, – обязательное свойство оборотня [1, с. 208–209]. Словно желая засвидетельствовать перед лицом будущих поколений читателей правдивость этого утверждения, летописец вспоминает именно о церковных колоколах родного Полоцка. "Сказка не пустая складка", – любил повторять выдающийся исследователь А.Афанасьев. Чудесное как сгущенная форма реальности концентрирует все наиболее характерное и жизненно важное, отсеивая второстепенное и сиюминутное, что замечательно подтверждает данный пример.

Два мира – два взгляда на историческую личность. А колокольный звон, словно тонкая связующая нить, скрепляет оба плана повествования – реальный и сказочный. В причудливой линии рассказа можно выделить еще один контекст – былинно-эпический, синтезирующий конкретику и фантастику. В связи с этим приведем интересное суждение Д.Леонардова: мифологизация личности такого масштаба, как Всеслав, – отражение длительного исторического процесса схватки "седого Полоцка со стольным Киевом", выразившейся в борьбе внуков Рогволода против внуков Ярослава [1, с. 142, 147].

В рассмотренных примерах последовательно представлены два этапа процесса обретения христианским вероучением на нашей земле "жизненной почвы под ногами". Добавим, что в образе язычника-христианина Всеслава со всей очевидностью запечатлена и ситуация двоеверия, сложившаяся в Полоцком княжестве уже в XI в. и не утратившая своего значения впоследствии. Упоминание о колоколах в двух летописных источниках не случайно, оно свидетельствует о культурно маркирующей функции этого "самого лучшего голоса" славянского мира.

Белорусская кампанология делает первые шаги, в то время как на Западе и в России она имеет давние традиции. Дальнейшее изучение разных аспектов истории и теории колокольного искусства особо актуализируется в наши дни в условиях повышенного интереса к отечественному культурному наследию.

1. *Леонардов, Д.С.* Полоцкий князь Всеслав и его время / Д.С.Леонардов // Полоцко-Витебская старина. – Витебск: Витеб. учен. арх. комис., тип. насл. М.Б.Неймана, 1912. – Кн. 1, [вып.] 2. – С.121–216.
2. *Лихачев, Д.* Великий путь: становление русской литературы XI–XVII веков / Д.Лихачев. – М.: Современник, 1987. – 301с.
3. *Тафт, Р.* Византийский церковный обряд: краткий очерк / Р.Тафт; пер. с англ. А.А.Чекаловой; ред. рус. пер.и послесловие В.М.Лурье. – СПб.: Алетейя, 2000. – 160 с.
4. *Бычков, В.* Византийская эстетика. Теоретические проблемы / В.Бычков. – М.: Искусство, 1977. – 199 с.
5. *Оловянишников, Н.* История колоколов и колоколотейное искусство / Н.Оловянишников. – 2-е изд, доп. – М.: Изд. Товарищества П.И.Оловянишникова сыновья, 1912. – 435 с.
6. *История русской музыки: в 10 т. – Т. 1: Древняя Русь XI–XVII веков / автор тома Ю.В.Келдыш. – М.: Музыка, 1985. – 383 с.*
7. *Рыбаков, С.* Церковный звон в России / С.Рыбаков // Колокольные звоны России / сост. В.С.Мартышин. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 10–75.
8. *Бондаренко, А.* Колокола Покровского собора: прошлое и настоящее / А.Бондаренко // Труды Гос. историч. музея. – 2002. – Вып.131. – 112 с.
9. *Пухначев, Ю.* Колокол / Ю.Пухначев // Наше наследие . – 1991. – № 5. – С. 5–20.
10. *Пухначев, Ю.* Загадки звучащего металла / Ю.Пухначев. – М.: Наука, 1974. – 128 с.
11. *Былины / сост., вступ. ст. и вводные тексты В.И.Калугина. – М.: Правда, 1987. – 480 с.*